

УДК 347.1

ЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ВЗВЕШИВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ КАК СРЕДСТВА ПРАВОТОЛКОВАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ В ПРАВЕ

Ротань В. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Проблема способов закрепления правовых норм в актах гражданского законодательства никогда не привлекала должного внимания науки. Даже Е. В. Васильковский, создавший мощное рационалистическое учение о толковании и применении гражданских законов, не довел исследование указанных способов до логического завершения. Сохраняются проблемы даже при интерпретации текстуально закрепленных правовых норм. Что касается логически закрепленных правовых норм, то они попросту игнорируются как в науке, так и в практике правоприменения.

Научный инструментарий обнаружения логически закрепленных правовых норм обычно заменяется абстрактной ссылкой на смысл или содержание соответствующего положения акта гражданского законодательства.

Поэтому наука гражданского права должна обратиться к исследованию логически закрепленных правовых норм. Логически закрепленные в актах гражданского законодательства правовые нормы обнаруживаются при толковании путем учета контекста, а также с помощью вывода *a contrario*, *a fortiori*, от предыдущего правового явления к последующему и наоборот. Логически закрепленные нормы гражданского права способны конкурировать с текстуально закрепленными правовыми нормами. Однако правовые нормы, обнаруживаемые при помощи вывода *a contrario*, не могут применяться в противоречии с текстуально закрепленными правовыми нормами. Однако из этого правила есть ряд исключений.

Ключевые слова: правовая норма; гражданское законодательство; текстуально закрепленные нормы; логически закрепленные нормы; вывод степени; вывод от противоположного; контекст; преимущественное применение норм; конкуренция между нормами.

Значение и логических инструментов, и взвешивания ценностей как средств правотолкования и разрешения коллизий в праве преимущественно прямо не отрицается. Исключение составляют лишь крайние философско-правовые учения, которые то, что называют юриспруденцией понятий, пытались и пытаются заменить юриспруденцией ценностей. Следует, однако, признать, что и учение о логических инструментах, и учение о взвешивании ценностей к настоящему времени в виде, пригодном для практического применения, не созданы. Поэтому и попытки определить их соотношение заканчиваются только общими рассуждениями. При таких условиях следует признать, что обращение к проблеме соотношения логических инструментов и взвешивания ценностей как средств правотолкования и разрешения коллизий в праве является актуальным.

Как следует из вышеизложенного, оснований для утверждения об исследованности проблемы соотношения логических инструментов и взвешивания ценностей как средств правотолкования и разрешения коллизий в праве не имеется. Но было бы неправильным и мнение о том, что наука и вообще не создала предпосылок для разрешения этой проблемы. Такие предпосылки созданы усилиями Ф.К.Ф. Савиньи,

Г. Ф. Пухты, Р. Дворкина, Р. Алекси, Е. В. Васьковского, И. С. Перетерского, П. Е. Недбайло, А. С. Пиголкина, А. Ф. Черданцева, С. С. Алексеева и других ученых. Нельзя также игнорировать значение для разрешения этой проблемы философских и правовых разработок в области аксиологии. Следует упомянуть и современные научные исследования по проблемам, о которых здесь идет речь. Ищут пути разрешения этой проблемы Европейский Суд по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации, суды общей юрисдикции России. Четко видны попытки ее разрешения в практике судов зарубежных стран, осуществляющих конституционную юрисдикцию, в частности Верховного Суда США, Конституционного Суда Украины.

Целью настоящей статьи является разработка теоретических положений, которые могли бы стать научным основанием для разрешения теоретических и практических проблем соотношения логических инструментов и взвешивания ценностей как средств правотолкования и разрешения коллизий в праве.

Прежде всего следует исключить односторонний подход к проблеме, обозначенной в заголовке настоящей статьи. Тем более следовало бы избегать односторонности, обусловленной местом ученого в науке. Так, когда к упомянутой проблеме обращается специалист в области философии права, то можно предположить, что он будет игнорировать логические инструменты, настаивая на философском подходе, который в определенной мере может быть отождествлен с подходом ценностным. Так, А. М. Бернюков выделяет герменевтический и психологический уровни осмысления права. На первом уровне судья, полагает ученый, достаточно имеющихся у него знаний. На психологическом уровне судья «должен мыслить метафизически и иррационально». При этом «главным орудием выступает ... индивидуальный уровень иррационализма, иначе говоря, степень душевного “погружения” для “ощущения” правовой нормы» [1, с. 189–190]. Автор также констатирует наблюдающийся в современных условиях «уклон в сторону иррациональных параметров правовой жизни общества и человека» и сетует по поводу того, что «позитивизм, склонность к формализации и унификации социальной жизни еще имеют достаточно крепкие позиции [1, с. 158].

Рационалистический подход к разрешению коллизий не дополняется прямым отрицанием взвешивания ценностей, но раз последнее в числе средств правотолкования и разрешения коллизий вообще не упоминается, то разве это не доказательство игнорирования взвешивания ценностей? В частности, не упоминается это средство правотолкования и разрешения коллизий Е. В. Васьковским [2], А. С. Пиголкиным [3], А. Ф. Черданцевым [4; 5; 6].

Таким образом, правильным было бы не противопоставление двух рассматриваемых подходов, а определение места и роли каждого из них в правотолковании и разрешении коллизий в праве. Это и предлагает Председатель Конституционного Трибунала Польской Республики Б. Здзениcki. Логические инструменты правотолкования и разрешения коллизий в праве он, как это часто делается, называет юриспруденцией понятий, дополняя ее юриспруденцией интересов и юриспруденцией ценностей [7]. Он пишет, что «в юридическом дискурсе, оценивающем конституционность определенных положений, огромную роль играют принципы, выработанные юриспруденцией интересов...» [7]. Однако отделение юриспруденции интере-

сов от юриспруденции ценностей представляется неоправданным, поскольку интересы представляют собой определенные социальные ценности.

Основой каждого правотолковательного дискурса о действии права Б. Здзеницки называет юриспруденцию понятий [7]. С этим утверждением следует согласиться, поскольку законодательство представляет собой построенные по законам лингвистики и логики тексты, предназначенные для передачи от правотворческих органов участникам общественных отношений информации об их юридических правах и обязанностях, об условиях их возникновения, изменения и прекращения. Взвешивание ценностей является вспомогательным средством правотолкования и разрешения коллизий, которое не может быть поставлено в один ряд с рациональными средствами, поскольку оно (взвешивание ценностей) интегрируется в систему рациональных средств (в юриспруденцию понятий).

Покажем это на следующем примере. Ст.125 Конституции РФ определяет виды нормативно-правовых актов, рассмотрение дел о конституционности которых относится к полномочиям Конституционного Суда РФ. В соответствии с пунктом 3 статьи 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» «суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа, а равно должностного лица Конституции Российской Федерации, Федеральному конституционному закону, общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору Российской Федерации, конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу». Упомянутые конституционное и законодательное положения друг другу не противоречат, поскольку в первом из них речь идет о делах о соответствии Конституции определенных правовых актов, полномочие на разрешение которых принадлежит исключительно Конституционному Суду, а во втором – об обязанности судов общей юрисдикции применять нормативно-правовые акты с учетом их субординации. Принцип субординации касается и Конституции. Поэтому при рассмотрении и разрешении дел суды общей юрисдикции обязаны применять правовые акты только в части, в которой они не противоречат актам высшей юридической силы, в том числе и Конституции.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 16 июня 1998 г. №19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» пришел к выводу о том, что отказ от применения в конкретном деле закона, неконституционного с точки зрения суда, привел бы к различному толкованию различными судами конституционных норм. Таким образом, ценностью, которая требует защиты, явилось единообразное применение правовых норм, установленных Конституцией РФ. Однако Конституционный Суд прямо не противопоставляет эту ценность положению п.3 ст.5 названного Федерального закона, а обращает внимание на то, что она (эта ценность) признается ст.4, 15, 76 Конституции, согласно которым «законы действуют единообразно на всей территории Российской Федерации». Ссылается Конституционный Суд и на то, что единообразие применения Конституции обеспечивает ее верховенство, как того требует ст. 15 Конституции.

Такой подход представляется правильным. Конституция РФ как акт позитивного права и законы Российской Федерации предоставили юридическую охрану всем

существенным социальным ценностям. Поэтому обращение к последним является допустимым только в целях правильного применения Конституции и законов. Конечно, абстрактно можно было бы, вспоминая исторический опыт или сегодняшнюю практику отдельных стран, говорить о том, что ценности могут быть поставлены выше позитивного права и его рационального толкования. Но конкретно применительно к сегодняшним реальностям следует признать, что Конституция и законы РФ впитали в себя все признанные цивилизованным человечеством социальные ценности. Поэтому потребности обращения к ценностям в противовес позитивному праву нет. Но обращение к ценностям в дополнение к рациональному осмыслению позитивного права является не только целесообразным, но и конструктивным.

Взвешивание ценностей производится прежде всего при толковании и применении тех положений Конституции, международных договоров, законодательных актов, которые формулируют принципы права и вследствие этого не имеют признака достаточной формальной определенности.

Не указывая прямо на использование приема взвешивания ценностей, Верховный Суд США тем не менее такое взвешивание осуществлял при толковании Четырнадцатой поправки к Конституции США, в которой косвенно закрепляется принцип свободы договора. В деле «Лохнер против штата Нью-Йорк» (1903 г.) истец требовал признания неконституционным закона штата Нью-Йорк, которым продолжительность рабочего дня для рабочих городских пекарен ограничивалась десятью часами. Ценностью, которую он защищал, была сама свобода договора как одно из проявлений принципа свободы, закрепленного в Четырнадцатой поправке. На противоположной чаше весов, очевидно, находились интересы социальной группы наемных работников пекарен. Необходимость защиты этих интересов вытекала из принципа содействия общему благосостоянию, закрепленного в преамбуле Конституции США. Разрешить эту коллизию с помощью логических средств было невозможно, что и заставило использовать метод взвешивания ценностей. Такое взвешивание осуществляется не на основе правовых норм, а путем учета социального контекста. Судьи Верховного Суда США, осуществляя взвешивание ценностей в социальном контексте, отдали предпочтение свободе договора. Но среди судей нашелся один, который видел дальше других, настаивал на принятии противоположного решения и написал особое мнение. Это был О. У. Холмс. Последующие 30 лет были в практике Верховного Суда тем, что можно назвать освоением метода взвешивания ценностей. На чаше интересов рабочих появились новые не осознаваемые ранее ценности: социальная стабильность, социальный мир. Помогли осознать эти ценности революция 1917 г. в России, рост забастовочного, рабочего и профсоюзного движения во всем мире. Результаты взвешивания ценностей Верховным Судом США в середине 30 годов XX века оказались противоположными тем, которые были получены в 1903 г. Теперь уже Суд приходит к выводам о том, что законодательное ограничение продолжительности рабочего времени, законодательное регулирование минимальной заработной платы не противоречат принципу свободы договора.

Взвешивание ценностей как сложный метод правотолкования и разрешения коллизий осуществлял Конституционный Суд Украины. В начале XXI столетия Суд неизменно признавал неконституционными законы о государственном бюджете на соответствующие годы, которыми приостанавливалось действие законов, предпола-

гавших некоторые виды выплат из бюджета. В 2011 г. Конституционный Суд Украины при тех же подлежащих применению конституционных положениях пришел к противоположному выводу. При этом на одной чаше весов находились права человека и гражданина, которые в соответствии со ст. 22 Конституции Украины не могли сужаться по содержанию и объему, а на другой – финансовая стабильность в государстве, которое оказалось не в состоянии из-за отсутствия средств выполнять требования многих законов, предусматривавших денежные выплаты в пользу граждан. Результаты взвешивания ценностей, произведенного в 2011 г., представляются более правильными. Хотя в условиях разбалансированности государственного аппарата в Украине можно предположить влияние на принятие решения Конституционным Судом в 2011 г. и других факторов.

Требуем осмысления и обсуждения в научной среде с участием судей-практиков проблема обращения к существенным социальным ценностям как с целью доказать неприменимость определенных нормативных положений, так и с целью доказать необходимость их применения. На наш взгляд, это – неприемлемо. В качестве материала для дискуссии предлагается следующий случай. Судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев в особом мнении обратил внимание на необходимость применения приведенного выше положения п. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации». Однако эту необходимость он аргументировал не тем, что оно не противоречит Конституции, а тем, что неприменение противоречащих Конституции законов представляло бы собой «появление судебного права, развитие которого крайне необходимо для российской правовой системы в целях преодоления позитивистских подходов». Эта аргументация и есть проявление подтверждения юридической силы положения закона ссылкой на социальную ценность, значение которой как таковой также требует обсуждения, особенно с учетом того, что установленные Конституцией правовые нормы не могут быть исключены из системы позитивного права. А поэтому применение судами общей юрисдикции Конституции и неприменение противоречащих ей законов – это не преодоление позитивистских подходов, а самое настоящее их проявление.

Применение как средства правотолкования и разрешения коллизий в праве взвешивания ценностей обусловлено также наличием в праве коллизий, которые логически не могут быть разрешены. Есть определенная сфера, где не могут быть использованы правила *lex superior derogat inferiori*, *lex specialis derogat generali*, *lex posterior derogat priori*. Более конкретно эта сфера обозначается как сфера коллизий между правовыми нормами, сферы которых частично совпадает, если эти нормы установлены одним актом законодательства или разными актами законодательства одинаковой юридической силы, принятыми в один и тот же день. Покажем это на следующем примере.

Уголовное законодательство, и ранее действовавшее (советское) и действующее, устанавливало (и устанавливает) уголовную ответственность за умышленное убийство. Устанавливается более высокая ответственность за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, в частности уголовная ответственность за убийство двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 действующего УК). Устанавливается также менее строгая уголовная ответственность за умышленное убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах: при превышении пределов необходимой оборо-

ны (ст.108 УК), убийство матерью новорожденного ребенка (ст.106 УК). Имеет место частичное совпадение сфер действия п. «а» ч. 2 ст. 105 УК с одной стороны и ст. 106, 108 УК – с другой в случае убийства при смягчающих обстоятельствах двух и более лиц.

В период действия Уголовного Кодекса РСФСР 1960 г. подобной была коллизия между п. 3 ст. 102 (умышленное убийство двух и более лиц) и ст. 104 (умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения). А. Ф. Черданцев пытался разрешить эту коллизию с помощью правила о преимуществе при правоприменении специальной нормы перед общей, хотя это правило в подобных случаях применить было нельзя. Ученый пришел к таким выводам: «Пункт “з” ст. 102 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за убийство двух и более лиц». Возникает вопрос: во всех ли случаях умышленного убийства двух или более лиц должна наступать ответственность по п. “з” ст. 102? Если толковать эту статью изолированно от других норм УК, то ответ по буквальному смыслу этого пункта должен быть положительными. Но если мы будем толковать указанный пункт ст. 102 УК РСФСР в совокупности со ст. 104 (умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения) или со ст. 105 УК РСФСР (убийство при превышении пределов необходимой обороны), то ответ будет иным: не каждое убийство двух или более лиц включает ответственность по п. “з” ст. 102 УК РСФСР» [4, с. 129]. Этот вывод, сделанный в 1972 г., А. Ф. Черданцев повторил в 1979 г. [5, с. 73] и в 2009 [6, с. 172].

Свои выводы А. Ф. Черданцев подкрепил ссылкой на постановление Президиума Верховного Суда РСФСР: «Убийство двух лиц, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, не может быть квалифицировано как совершенное при отягчающих обстоятельствах» (Бюллетень Верховного Суда РСФСР.–1970. – № 9. – С. 8–9). Но Президиум Верховного Суда никакой аргументации в пользу этого вывода не приводит. И больше оснований утверждать, что Президиум Верховного Суда, скорее всего, пришел к этому выводу путем взвешивания ценностей, а не путем преимущественного применения специальной нормы.

Не подлежит никакому сомнению, что п. «з» ст. 102 УК РСФСР распространялся на все без исключения случаи убийства двух и более лиц, в том числе и на такие случаи, которые подпадали под действие ст.104 УК РСФСР. Также не подлежит сомнению, что ст. 104 УК РСФСР распространялась на все случаи убийства в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, в том числе и на случаи убийства двух и более лиц. Таким образом, сферы действия п. «з» ст. 102 УК РСФСР и ст. 104 того же Кодекса частично совпадали (при убийстве в состоянии сильного душевного волнения двух или более лиц). В сфере этого совпадения ни одному из указанных законодательных положений по законам логики нельзя было отдать предпочтение.

При таких условиях следует попробовать эту логически не разрешимую коллизию разрешить методом взвешивания ценностей. Речь идет об уголовной ответственности. Правоотношения, в которых эта ответственность реализуется, – это ответственность публичная. Сторонами этих правоотношений являются лицо, совершившее преступление, с одной стороны, и государство. Логично будет предположить, что государство в этом правоотношении представляет меньшую ценность,

чем лицо, совершившее преступление, ибо это лицо, хоть и совершило преступление, все же остается человеком, который признается в Конституции РФ (ст. 2) высшей ценностью, а обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека. Поэтому логичным было бы утверждение о том, что в правоотношении по поводу уголовной ответственности государство должно было поступиться в пользу лица, совершившего преступление. Неудобство положения государства в этом правоотношении заключается только в том, что к реализации уголовной ответственности в этом правоотношении имеет интерес и потерпевший. Государство, поступаясь в уголовном правоотношении перед лицом, совершившим преступление, не может игнорировать интересы потерпевшего, нравственное чувство которого взывает к мщению.

Проблема коллизий между интересом лица, совершившего преступление, и интересом лица, потерпевшего от преступления, осмысливалась в юридической науке. В частности, поднявшийся до уровня классика мировой юридической мысли Р.Ф. Иеринг писал: «...Уголовное право, возможно, представляет несравненно больше благоприятствования преступнику, чем потерпевшему от преступления» [8, с. 586]. Замеченная классиком тенденция особенно четко проявилась после второй мировой войны. По крайней мере, в странах с де-факто господствующей христианской моралью указанная тенденция проявилась в декриминализации многих видов правонарушений, в сокращении сроков лишения свободы, в более широком применении мер наказания, не связанных с лишением свободы, в ограниченном применении смертной казни, отказе от ее применения и т. д.

От принципа талиона человечество отказалось почти полностью. Одновременно оно отказалось от идеи достижения эквивалентности наказания тяжести преступления, особенно в случаях совершения тяжких преступлений против личности, в частности умышленных убийств. Для обществ и государств стало нравственно неприемлемым проявление к лицу, совершившему преступление, той же степени жестокости, которую проявило это лицо в отношении потерпевшего. Это и заметил Р. Ф. Иеринг еще в XIX веке.

Поэтому судебная практика еще в советское время пошла по пути разрешения коллизии между п. «з» ст. 102 УК РСФСР и ст. 104 того же Кодекса с помощью не логических умозаключений, а взвешивания ценностей: государство само создало неразрешимую коллизию между правовыми нормами, о которых идет речь, создало ситуацию правовой неопределенности. А поэтому данная неопределенность должна разрешаться не в пользу государства, а в пользу человека, который при эквивалентности наказания утратит все или почти все. А для государства утрата от уступки в пользу человека в данном правоотношении является минимальной. Взвешивание ценностей приводит к выводу о недопустимости разрешения коллизии между п. «з» ст. 102 УК РСФСР и ст. 104 того же Кодекса в пользу первого из названных законодательных положений. Она правильно была разрешена в пользу ст.104 УК РСФСР. Сегодня таким же образом должны разрешаться коллизии между п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ с одной стороны и ст. 106, 108 УК РФ с другой.

Частично совпадают сферы действия правовых норм, которые текстуально закреплены в п.1 ст.8 Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод и в п.1 ст.10 той же Конвенции. Совпадение сфер действия этих норм имеет место в

той части, в которой п. 1 ст. 10 Конвенции предоставляет право получать и передавать информацию, и это право касается частной и семейной жизни (п. 1 ст. 8 Конвенции). Логически разрешить эту коллизию невозможно. Она разрешается методом взвешивания ценностей. Определенный опыт такого взвешивания дает нам практика разрешения немецкими судами, включая Федеральный конституционный суд, и Европейским Судом по правам человека дел по заявлениям принцессы Монако Каролины фон Ганновер о нарушении права на уважение к частной и семейной жизни. Существо этих дел заключалось в следующем. В ряде немецких журналов были опубликованы с комментариями фотографии принцессы, в том числе с детьми, касающиеся ее частной жизни, без ее разрешения. Принцесса полагала, что соответствующие издания нарушают ее право на уважение к частной и семейной жизни, и просила запретить распространение ее фотографий. Однако немецкие суды не нашли оснований для удовлетворения исковых требований принцессы.

Федеральный конституционный суд несколько уточнил «вес ценностей». Он пришел к выводу о том, что защита частной жизни детей имеет более важное значение, чем защита такого же права взрослых, а поэтому запретил распространение фотографий, на которых принцесса изображена вместе с детьми, а также фотографий, на которых принцесса изображена с актером в отдаленной части ресторана двора. В остальном Федеральный конституционный суд пришел к выводу, что принцесса, которая является «публичным лицом», должна толерантно относиться к опубликованию ее фотографий, сделанных в публичных местах, даже если эти фотографии сделаны в сценах повседневной жизни, а не во время исполнения ею публичных обязанностей. Этот вывод ФКС обосновывал ссылкой на свободу прессы и на правомерный интерес общественности, которая имеет право знать, как принцесса ведет себя в обществе.

Дальнейшее взвешивание ценностей производил уже Европейский Суд по правам человека при рассмотрении дела «Ганновер против Германии» (2004 г.). Европейский Суд признал своей задачей сбалансировать применительно к данному конкретному случаю право на уважение к частной и семейной жизни, основанное на ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и право на получение и передачу информации.

Свое решение Европейский Суд мотивировал ссылками на следующее. Свобода выражения взглядов, получения и передачи информации, безусловно, распространяется и на опубликование фотографий. В то же время защита прав и репутации приобретает особое значение, поскольку касается не идей, а изображений, которые были опубликованы, были сделаны в атмосфере настойчивого домогательства, которое вызывало у заявительницы очень сильное ощущение вторжения в ее частную жизнь и даже преследования.

Определяющим, по мнению Европейского Суда, было решение вопроса о том, в какой мере опубликованные фотографии и статьи содействовали обсуждению, которое имеет общий интерес. Суд пришел к выводу о том, что, поскольку фотографии были сделаны во время деятельности сугубо частного характера, когда заявительница не осуществляла каких-либо официальных полномочий, без ведома или согласия заявительницы, эти фотографии не представляли общего интереса. Суд также указал, что общественность не имеет легитимного интереса знать о местонахождении принцессы, о том, как она ведет себя в частной жизни. Право заявитель-

ницы при изложенных обстоятельствах было признано имеющим приоритет перед свободой выражения взглядов, получения и распространения информации.

Логически неразрешимой и требующей взвешивания ценностей является коллизия между правовой нормой, которая текстуально закреплена в ст.1079 ГК и которая возлагает ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, на его владельца, и правовой нормой, текстуально закрепленной в ст.1068 ГК и возлагающей ответственность за вред, причиненный работником при исполнении трудовых обязанностей, на юридическое лицо или гражданина-работодателя. Трудовое законодательство РФ не исключает такого, чтобы стороны трудового договора согласовали условие о том, что в связи с особым характером работы работник будет использовать при исполнении трудовых обязанностей собственный легковой автомобиль. Если при исполнении трудовых обязанностей и эксплуатации транспортного средства такой работник причинит вред третьему лицу, возникает вопрос о выборе для целей правоприменения одной из названных выше статей.

Попытки разрешения коллизии между названными двумя правовыми нормами и выбора одной из них для применения с помощью рациональных средств обречены на неудачу. Обе нормы установлены одним и тем же законодательным актом, что исключает применение для разрешения этой коллизии правил о преимуществе правовых норм, установленных актом высшей юридической силы или позднее принятым актом. Правило *lex specialis derogat generali* не может быть использовано для разрешения этой коллизии, поскольку рассматриваемые конкурирующие правовые нормы не соотносятся как общая и специальная. Эти нормы регулируют разные гражданские отношения и, следовательно, имеют разные сферы действия. Однако есть небольшая сфера, на которую распространяется действие и ст.1068 и ст.1079 ГК. Это случаи причинения вреда работником при исполнении трудовых обязанностей, если при этом работник использовал легковой автомобиль, принадлежащий ему на праве собственности. Поскольку институт возмещения вреда имеет своей целью защиту интересов лиц, которым причинен имущественный и моральный вред, целесообразно было бы отдать предпочтение ст.1079 ГК, которая устанавливает более благоприятные для потерпевшего основания возникновения обязательств, в рамках которых возмещается вред. С другой стороны, при взвешивании ценностей нельзя игнорировать и ст.1068 ГК, которая освобождает работника от ответственности перед потерпевшим за вред, причиненный им при исполнении трудовых обязанностей. В дальнейшем работник будет отвечать перед работодателем, который после возмещения потерпевшему вреда может предъявить требование к работнику. Однако в трудовых отношениях работник несет, как правило, ограниченную материальную ответственность. В этом и заключается смысл ответственности организации и гражданина-работодателя за вред, причиненный их работником при исполнении трудовых обязанностей. Но ст. 1068 ГК при взвешивании ценностей интересна еще одним. Работодатель-организация, да и гражданин в большей мере способен реально возместить вред, причиненный потерпевшему, чем работник. И в этом – интерес потерпевшего в возмещении причиненного ему вреда на основании ст. 1068 ГК.

Изложенное существенно затрудняет выбор одной из двух рассматриваемых правовых норм для целей ее применения. Представляется, что потерпевшему не может быть отказано в иске к организации или гражданину-работодателю, если он в

обосновании иска ссылается на ст. 1068 ГК, поскольку на спорные правоотношения эта статья действительно распространяется. Возможные ссылки работодателя на то, что к спорным отношениям может применяться ст. 1079 ГК, не опровергают утверждения о распространении на спорные правоотношения ст. 1068 ГК.

Равным образом потерпевший может предъявить иск непосредственно к причинителю вреда как собственнику транспортного средства на основании ст. 1079 ГК. Возражения причинителя вреда о том, что эта статья не подлежит применению из-за того, что спорные правоотношения подпадают под действие ст. 1068 ГК, не могут опровергнуть того, что ст. 1079 ГК в соответствии с ее буквой на спорные правоотношения распространяется. Следовательно, какие-либо основания для отказа в удовлетворении исковых требований, основанных на ст. 1079 ГК, отсутствуют.

Но у потерпевшего есть еще один вариант, который удовлетворяет его интересы в наибольшей мере. Он может в обоснование иска сослаться на гипотезу правовой нормы, которая закреплена в ст. 1079 ГК и допускает более широкие основания для возложения на владельца источника повышенной опасности обязанности возместить вред, а требование о возмещении вреда предъявить к лицу, которое несет такую обязанность в соответствии со ст. 1068 ГК. Такое конструирование правовых норм было бы неоправданным отходом от буквы закона. Заимствовать гипотезу, диспозицию или их часть возможно только в порядке аналогии закона.

Конкуренция между ст. 1079 и 1068 ГК возникает также в случаях причинения вреда источником повышенной опасности, техническое обслуживание которого собственник поручил путем заключения соответствующего договора третьему лицу. Предметом судебного разбирательства было дело о возмещении морального вреда, причиненного гибелью ребенка при выходе из лифта. Эксплуатация лифта создает повышенную опасность. Поэтому за причиненный вред должен отвечать собственник лифта (жилого дома). Но в конкретном случае вред наступил в результате ненадлежащего исполнения трудовых обязанностей работником организации, осуществлявшей на основании договора с собственником дома техническое обслуживание лифта. Коллизию между ст. 1079 и 1068 ГК и в этом случае следовало разрешить методом взвешивания ценностей.

В этой статье обращено внимание лишь на некоторые пути сближения научных положений о соотношении логических инструментов и взвешивания ценностей как средств правотолкования и разрешения коллизий в праве. Дальнейшие разработки этой проблемы предполагают существенное расширение эмпирической базы исследования с целью получения новых научных результатов, уточнения ранее полученных результатов и формулирования развернутых рекомендаций по правотолкованию и разрешению коллизий при осуществлении правосудия в Конституционном Суде и судах общей юрисдикции.

Список литературы

1. Бернюков А. М. Здійснення правосуддя. Герменевтичний підхід / Правосуддя. Філософське і теоретичне осмислення. – К.: Інститут держави і права НАН України, 2009. – С. 148–206.
2. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфор, 2002. – 480 с.
3. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – 168 с.
4. Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. – 192 с.

5. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. – М.: Юридическая литература, 1979. – 168 с.
6. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2003. – 381 с.
7. Здзениcki Б. Эффективность права с точки зрения Конституционного трибунала Польской Республики // Электронный ресурс: http://www.juristlib.ru/book_9463.html.
8. Иеринг Р. Ф. Избранные труды. В 2 т. Т.1. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 618 с.

Rotan V.G. Logical instruments and weighing of values as facilities of interpretation of right and permission of collisions are in a right // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 172–183.

The problem of the legal ways to fix the legal norms in acts of civil legislation has never attracted a proper attention of science. Even E. V. Vaskovsky, who created a powerful rationalist doctrine of the interpretation and application of civil laws, did not lead the study of these methods to the logical conclusion. We meet problems even in the interpretation of textually enshrined legal norms. As for logically fixed legal rules, they are simply ignored both by science and by practice of law-making.

The scientific tools of discovering logically enshrined legal norms is usually replaced by an abstract reference to the meaning or content of the relevant provision of the act of the civil legislation.

Therefore, the science of civil law should apply to the study of logically fixed legal rules. Logically embodied in the acts of the civil legislation legal norms can be found in the interpretation by considering the context and using the derivation a contrario, a fortiori, from previous legal phenomenon to the next, and vice versa.

Logically fixed legal norms of civil law are able to compete with the textually enshrined legal norms. However, legal norms, discoverable by using a derivation a contrario could not be applied in contradiction with the textually enshrined legal norms. However, this rule has some exceptions.

Keywords: legal norm; civil law; textually fixed legal norms; logically fixed legal norms; derivation of degree; derivation to the contrary; context; preferential application of the rules; the competition between the legal norms.

Spisok literaturyi:

1. Bernyukov A. M. Zdlysnennyya pravosuddyya. Germenevtichniy pIdhId / Pravosuddyya. Filosofska I teoretichne osmislennyya. – K.: Institut derzhavi I prava NAN UkraYini, 2009. – S.148–206.
2. Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskih zakonov. – M.: TsentruYurInfoR. – 2002.
3. Pigolkin A.S. Tolkovanie normativnyih aktov v SSSR. – M.: Gosyurizdat, 1962.
4. Cherdantsev A. F. Voprosyi tolkovaniya sovetskogo prava. – Sverdlovsk, 1972.
5. Cherdantsev A. F. Tolkovanie sovetskogo prava. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1979.
6. Cherdantsev A. F. Tolkovanie prava i dogovora. M.: YuNITI, 2003.
7. Zdenitski B. Effektivnost prava s tochki zreniya Konstitutsionnogo tribunala Polskoy Respubliki // Elektronnyiy resurs: http://www.juristlib.ru/book_9463.html
8. Iering R. F. Izbrannyye trudyi. V 2 t. T.1. – SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2006. – 618 s.